

ОППОЗИЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАОПИСАНИЯ КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ

© Александр Баркович

OPPOSITIONAL POTENTIAL OF A COMPUTER-MEDIATED COMMUNICATION META-DESCRIPTION

Alexander Barkovich

Oppositional potential is the fundamental substance of communication. The significance of oppositional relations allows us to qualify them as an essential and promising specificity in the context of creating meta-language descriptions. Of particular interest in this regard is the representation of the possibilities of oppositional modeling of computer-mediated communication. The language relations oppositionality, mediated by the semiotic resources of computer systems, has its own logic of using language means and the tools of their representation and interpretation. Accordingly, both the tasks of recording language production are solved and a multi-faceted information exchange is ensured. Computer-mediated communication has not changed the essence of language, but has made its deep architecture visible. In this regard, the growing interdisciplinarity of science requires methodologically appropriate assignment of the accents and identification of the fundamental frameworks of communication problem domain. Linguistically correct systematization and presentation of the computer-mediated communication oppositional potential is relevant as the goal of this study. The article outlines the arrangement of categorial reflection of the oppositional issues, which is essential for the modern communication meta-descriptions, and proposes a conceptual justification for the parameters of its general scientific and linguistic representation. This study is applicable to the formation of a research apparatus for a wide range of works, devoted to communication topics, it can also serve as a theoretical and practical resource for their verification.

Keywords: oppositionality, binarity, potential, computer-mediated communication, category, statistical model of communication, meta-description

Оппозиционным потенциалом обладает весь спектр языковой системы. Значимость оппозиционных отношений позволяет квалифицировать их как существенную и перспективную специфику в контексте создания метаязыковых описаний. Особый интерес в данной связи представляет репрезентация возможностей оппозиционного моделирования компьютерно-опосредованной коммуникации. Оппозиционность языковых отношений, опосредованных семиотическими ресурсами компьютерных систем, обладает собственной логикой задействования языковых средств и инструментария их репрезентации и интерпретации. Благодаря ей не только решаются задачи фиксации языковой продукции, но и обеспечивается многоаспектный информационный обмен. Компьютерно-опосредованная коммуникация не изменила сущность языка, однако сделала видимой его глубинную архитектуру. В данной связи нарастающая междисциплинарность науки требует методологически целесообразной расстановки акцентов и обозначения фундаментальных основ коммуникационной проблематики. К фундаментальным основаниям коммуникации, несомненно, относится оппозиционность. Ее значимость все более очевидна в контексте глобальной экспансии компьютерного формата коммуникации и востребованности аргументированного объяснения его возможностей и ограничений. В данной связи актуальна лингвистически корректная систематизация и презентация оппозиционного потенциала компьютерно-опосредованной коммуникации как цель настоящего исследования. В статье обозначены рамки категориальной рефлексии критически важной для метаописания современной коммуникации оппозиционной проблематики и предложено концептуальное обоснование параметров ее общенаучной и лингвистической репрезентации. Данное исследование применимо для формирования исследовательского аппарата широкого спектра работ, посвященных коммуникационной тематике, и может служить теоретико-практическим ресурсом их верификации.

Ключевые слова: оппозиционность, бинарность, потенциал, компьютерно-опосредованная коммуникация, категория, статистическая модель коммуникации, метаописание

Для цитирования: Баркович А. Оппозиционный потенциал метаописания компьютерно-опосредованной коммуникации // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 2 (80). С. 21–28. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-80-2-21-28

Введение

Репрезентация оппозиционных свойств языка сообразно сложившимся реалиям компьютерно-опосредованной коммуникации является перспективной, но пока явно недооцененной научной проблематикой. На фоне бурного развития информационных технологий вполне очевиден огромный разрыв между передовыми технологическими разработками, выполняемыми на базе искусственных языков, и лингвистическим осмыслением релевантной теории, на самом деле, не менее важной для закрепления и развития соответствующей деятельности. И в данном контексте оппозиционный потенциал языка пока недостаточно освоен и задействован.

В современных условиях – по мере совершенствования аналитических методик – можно по достоинству оценить проницательность А. Эйнштейна, который уже в середине XX в. с сарказмом констатировал, что мы живем в эпоху «... совершенства методов, но неясности целей» [1, с. 110]. И ведь действительно: «При всей значимости для современной лингвистической парадигмы эмпирических данных развитие лингвистики как науки не может не сопровождаться систематизацией и обобщением первичных данных, их моделированием на уровне метаописаний, практикой репрезентации и интерпретации обобщений» [2, с. 11].

Несмотря на самое широкое использование в компьютерно-опосредованной коммуникации искусственных языков, кодов программирования, фактический инициатор обмена информацией и конечный ее адресат – человек. Уже по этой причине стратегической целью в метаязыковом плане является соответствующая интерпретация естественной языковой коммуникации.

Основная часть

Оппозиционность, как системообразующее основание любого языка, периодически оказывалась в фокусе научной рефлексии: «Каждая единица системы определяется ... совокупностью отношений к другим единицам и оппозиций, в которые она входит; единица есть явление относительное и оппозиционное, как говорил Соссюр. Мы отказываемся, таким образом, от мысли, что каждый „факт“ языка можно расценивать сам по себе, что он является абсолютной и объективной величиной, которая допускает изоли-

рованное рассмотрение» [3, с. 24]. В когнитивном аспекте сущностная квинтэссенция оппозиционности – противопоставление – позволяла находить решения фундаментальных научных проблем, в том числе лингвистических. Классическим достижением подобного рода является известная *дихотомия* «язык – речь». Ее известный апологет Ф. де Соссюр проницательно отметил, что «... в языке нет ничего кроме различий» [4, с. 152]. Последовательная имплементация данного принципа в научную практику позволяет объяснить природу многих языковых отношений и выстроить прозрачную логику их метаописаний.

Оппозиционность обладает востребованным потенциалом дифференциации значимости, что особенно актуально в *контрастивных* исследованиях. Ф. де Соссюр в данной связи констатировал: «Языковая система есть ряд различий в звуках, связанных с рядом различий в понятиях, но такое сопоставление некоего количества акустических знаков с равным числом отрезков, выделяемых в массе мыслимого, порождает систему значимостей; и эта-то система значимостей создает действительную связь между звуковыми и психическими элементами внутри каждого знака» [Там же]. Не менее продуктивна оппозиционная проекция *деривационных* отношений, в рамках которой выразительно идентифицируются производные единицы на фоне производящих, мотивированные на фоне мотивирующих, обусловленные на фоне обусловливающих, результатов модификации на фоне ее источников. В контексте метаязыковых описаний шаблонность деривационных отношений во многом базируется именно на «... о п п о з и ц и о н н о с т и – противоположности, противопоставлении двух и более объектов на основании существенного для них признака» [5, с. 257] (здесь и далее разрядка наша – А. Б.). Так, значимость деривационных оппозиций типа *коммуникационный – коммуникативный, номинационный – номинативный, информационный – информативный* и др. позволяет обеспечить дифференциацию существенных оттенков атрибутивности частотных номинаций [6].

На *фонетическом* уровне оппозиционный подход в метаописаниях общепризнан не только для характеристики традиционной проблематики классификаций звуков, но и в инновационных

разработках. Это подтверждается компьютерным моделированием речи – посредством аллофонов в рамках распознавания и синтеза речи. На лексическом уровне «нечеткие множества» языковых единиц кластеризуются и стратифицируются сообразно их ориентации на своеобразные полюса их категориальной принадлежности. Лексическая значимость биполярна: «Омонимия – один из полюсов на шкале неоднозначности; другим полюсом является моносемия, различные типы которой представляют собой различные степени приближения к многозначности» [7, с. 186]. Актуальны оппозиционные модели и в грамматике. Так или иначе, но проблема так называемого «снятия омонимии» в формально языковой компьютерной разметке текста не имеет иного решения, кроме как через оппозиционное моделирование грамматического оформления омонимов.

Оппозиционны и единицы метаописания языкового континуума, и их совокупности, составляющие так называемые лингвистические «разряды» (см., напр., [8]). Показательна при этом «оппозиционная» квалификация такого важного метаязыкового термина как *категория* через механизм отрицательной валентности, когда определяющим является свойство несовместимости потенциальных элементов множества с его конституирующим признаком, что выражается во *взаимоисключающих «позициях»*: «*Категорией* называется максимальное множество значений, которые исключают друг друга в одной и той же позиции (семантической или логической)» [9, с. 247]. Необходимость дифференциации категорий практически безальтернативно предполагает их оппозиционное метаописание. В связи с этим Дж. Гамперц отмечал неизбежность «... обозначения совокупности фонологических, грамматических и словарных различий внутри кодовой матрицы...» [10, с. 32].

В общем и целом иерархический характер оппозиционности позволяет проводить последовательную лингвистическую интерпретацию очень многих языковых отношений. В аспекте оппозиционности высокой ценностью характеризуются основанные на них синтетические обобщения о коммуникации. Однако лингвистическая практика в целом пока фрагментарна и избирательна в задействовании богатейшего оппозиционного потенциала. Во многом реализован оппозиционный подход при описании единиц *фонетического* уровня (см. подробнее ниже), однако для иных уровней метаописаний языка системного оппозиционного анализа пока нет.

Фонетический приоритет в неравномерном лингвистическом описании посредством оппози-

ционного инструментария Р. Якобсон попытался объяснить следующим образом: «... здесь мы сталкиваемся с существенным различием между фонологической и грамматической оппозицией: в первом случае связанные друг с другом противоположности располагаются в плоскости восприятия языка (*signans*, или „означающее“), тогда как во втором случае такие противоположности лежат в плоскости понимания языка (*signatum*, или „означаемое“») [11, с. 314].

Оппозиционность работает на уровне языковой системы как таковой. Оппозиционное моделирование языковой системы видится чрезвычайно перспективным не только для решения частных лингвистических задач, но и для амбициозных и сложных проектов, например, по описанию *единого семантического поля*, которое в современных условиях все чаще называется «информационным полем». Собственно, создание работоспособных семантических моделей в масштабах языкового континуума уже включает ближайший контекст использования языковых единиц, в частности, учитывая их *металексическую значимость* [12]. Удачными следует признать и эксперименты с выявлением оппозиционной специфики речи на базе корпусов текстов [2]. Однако отдельные успехи оппозиционного моделирования языка пока лишь подтверждают насущность системного подхода – это обусловлено сложностью самого объекта моделирования: «Беспримерная эффективность языка коренится в последовательном наложении нескольких взаимосвязанных уровней, каждый из которых особым образом структурирован» [11, с. 314].

Собственно лингвистическая логика является продолжением языковой, опираясь на нее. И именно оппозиционность является стержнем речевой практики. Не всегда оппозиционность речевых конструкций оказывается явной и прозрачной, но тем веселее данные о том, что лексема *не* является второй по частотности в устном дискурсе (после *я*). Более того, именно она предопределяет смысловые акценты коммуникации, оказываясь в начале реплик диалога.

Весьма характерен следующий диалог о данных «Звукового корпуса русского языка» (с купюрами):

«...– Самое часто встречающееся слово – “я”... Что неудивительно... Угадайте, какое слово по частоте у нас на втором месте? ...

– Допустим, “вот”...

– Не-е... “Не-е”! Не, вы поймите лингвистов правильно! Мы... вовсе не склонны к тотальному отрицанию всего и вся. Не, честное слово, не склонны! Просто для нас, как выяснилось, “не” – это

вполне традиционное начало фразы. Если вам нужно, чтобы вас услышали, безотносительное “не” вывется у вас рефлекторно. Даже если вы хотите сказать, что ваш собеседник прав. “Не”... – так поддерживается диалог по-русски» [13].

И, конечно же, подобным образом поддерживается диалог не только в русскоязычной коммуникации.

Обоснованность исследований структуры языковых отношений через призму оппозиционности подтверждается сегодняшним бурным развитием компьютерных технологий. *Компьютерно-опосредованная коммуникация* – интерактивное взаимодействие коммуникационных субъектов в опосредованной компьютерными технологиями среде речевой практики [14]. Функциональная логика компьютерного опосредования коммуникации во многом определяется ее оппозиционным, в частности, бинарным характером, четко ориентированным на категории дискретности и статистичности. Первичный семиотический код компьютера – бинарный. Обеспечивающая его *статистическая модель коммуникации* является незыблемой и безальтернативной на сегодня основой информационной репрезентации языковых единиц. В ее основе – один выбор, альтернатива, – семиотически это «да» / «нет», «0» / «1» и т. д.

Понятийный объем бинарности и оппозиционности совпадает не полностью, хотя во многих контекстах они вполне могут быть синонимичными. Существенным при дифференциации их значимости является уникальность или множественность вектора (-ов) противопоставления обозначаемых объектов или их частей. *Бинарность* – двухэлементное противопоставление и имеет безальтернативную направленность. *Оппозиционность* допускает множественную направленность противопоставления, с несколькими возможными контрагентами. Было бы ошибочным связывать оппозиционность лишь с теоретическими описаниями языка, а бинарность – исключительно с компьютерной лингвистикой. Так, о *бинарных признаках* и *бинарной шкале* упоминает в своих теоретических трудах Ю. Д. Апресян [7, с. 294].

При этом некоторая ограниченность бинарного противопоставления объективна, и обусловленная этим «искусственностью» бинарной терминологичности налагает определенные ограничения на ее задействование: «... семантические поля – по сути классы пересекающиеся; единого разбиения словаря на семантические поля, если не принимать искусственных принципов классификации и не подменять семантические компоненты бинарными или иными дифферен-

циальными признаками, не существует; из любого семантического поля, через более или менее длинную цепочку посредствующих звеньев, можно попасть в любое другое поле, так что семантическое пространство языка оказывается в этом смысле непрерывным» [Там же, с. 252].

Бинарность и оппозиционность упоминаются в лингвистических словарях, однако связанная с этим лингвистическая рефлексия не всегда последовательна. В частности, термин «бинарность» отсутствует как таковой в целом ряде словарей лингвистических терминов (см., напр.: [15], [16], [17]). Те упоминания, которые есть, сосредоточены на атрибутивной составляющей, «бинарной» значимости: «1. Составленный из двух частей, имеющий две составляющих (*англ.* constituents). 2. Исходящий из двучленности как обязательного (конституирующего) свойства изучаемого лингвистического объекта и, следовательно, методологической основы его исследования и описания» [18, с. 67]. Вместе с тем, в этом же «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой объемная словарная статья «Противопоставление» не содержит связанных с «оппозиционностью» дифференциаций, хотя учитывает разнообразные «противопоставления»: «антитезное», «билатеральное», «бинарное», «градуальное», «дифференциальное», «изолированное», «количественное», «константное», «многостороннее», «морфологическое», «привативное», «пропорциональное», «фонологическое» и «эквивалентное». Характерно упоминание в списке атрибутов «противопоставления» его «бинарной» разновидности – при отсутствии «оппозиционного» противопоставления. При этом автор словаря указывает на синонимичность «оппозиции» и «противопоставления»: «ОППОЗИЦИЯ. То же, что противопоставление» [Там же, с. 289]. Так или иначе, «бинарность» и «оппозиционность» как самостоятельные категории в словарях не отмечаются.

Собственно, составители словарей очевидным образом ориентировались как раз на крайнюю ограниченность оппозиционной методики описания языковых законов: востребованность «оппозиционности» последовательна при описании лишь фонетики. Так, оппозиция упоминается и как самостоятельный фонологический термин («... одна из комплексных единиц системы фонем, фонемная группа»), и в составе сложных терминов («оппозиция лабиализованных и нелабиализованных гласных»). Таким образом, как таковая «оппозиция» как суррогат «оппозиционности» может рассматриваться применительно к «однородным единицам языка» и упоминаться в морфологическом контексте, но системность в

подобных репрезентациях не просматривается [15], [16], [17], [18].

При этом в лингвистике, в силу ее ориентированности на гибкую эвристическую ментальность человека, оппозиционность намного востребованней, чем более специфичная и узкая бинарность. Противопоставление в когнитивном аспекте предполагает ориентацию не столько на стремящуюся к *полярности* бинарную значимость, сколько ориентацию на оппозиционность значений, предполагающую градуальность и вариативность.

В современных условиях инновационные семиотические реалии коммуникации превращают бинарность – как частный случай оппозиционности – в конструктивную матрицу любой репрезентации языка посредством компьютера. И, в целом, необходимо отметить, что компьютерно-опосредованная коммуникация, благодаря своей многослойной языковой архитектуре, обладает исключительным потенциалом моделирования, что успешно подтверждается давно ожидавшимися успехами использования технологии так называемых «генеративных трансформеров», условно *GPT*. В формате Интернета соответствующие задачи были публично анонсированы около 20 лет назад: создатель технологии *World Wide Web (WWW)* призвал к разработке семантической гипермодели-«паутины» «*Semantic Web*» [19]. Причем уже очевидно, что прогресс здесь всецело зависим от ожидаемых разработок в сфере прикладной лингвистики. Лингвистику не так давно было модно делить на отдельные направления теоретического и прикладного характера. Мода эта постепенно сошла на нет: благодаря успехам в компьютерных технологиях сегодня вся лингвистика уже более или менее «компьютерная». Это касается не только непосредственно компьютерно-зависимых корпусной и информационной лингвистики, но и социо-, психо-, нейро- и иных лингвистических направлений.

Так или иначе и ранее, и сейчас оппозиционность – непереманный атрибут рассуждений о языковых скрепах. В контексте умозрительности и абстрактности лингвистических построений именно оппозиции позволяют уверенно очерчивать рамки языковых параметров: «... сопоставлять языковые знаки и говорить о самом языке», видеть его «... структурным образованием» [11, с. 316]. Уже сам факт «сопоставления» с неизбежностью приводит логику лингвистических обобщений к «градуальному конструированию оппозиций» [5]. Это востребовано не только при анализе транслируемой посредством компьютера речи – многие давно сложившиеся каноны и устоявшиеся стереотипы лингвистической рефлексии

языка успешно верифицируются и совершенствуются в оппозиционном ключе. Компьютерные программы работают со всеми математически обеспеченными метаописаниями, будь то дискретно оформленные единицы или так называемые «нечёткие множества» единиц, – если эти метаописания оппозиционно-, а в идеале – и бинарно-структурированы.

Конечно, возможности оппозиционного развития языковых категорий не всегда могут быть полностью реализованы в силу определенной инерции сферы. Так, латинская по происхождению падежная система русского языка может совершенствоваться в рамках русскоязычной падежной категориальности весьма детализированно. Однако пока нет определенности: будет ли это реализовано на практике. С одной стороны, известно, что формализация падежей русского языка в рамках шестиэлементной системы практически нереализуема – их по факту насчитывают в разы больше. С другой стороны, соответствующая детализация может оказаться слишком контрастной для уже существующей лингвистической модели. Например, даже предложенный А. А. Зализняком компромисс оказался слишком радикальным: «Формально все имена признаются имеющими единую 14-падежную систему» [20, с. 54]. Собственно, для «новых» русских падежей пока нет даже уникальных названий: выделяют просто четыре «родительных» падежа, два «дательных», два «винительных», два «творительных», два «предложных» [Там же, с. 53]. Фактически, «14-падежная система» в русской лингвистике пока не реализована, но ее перспективность и обоснованность уже апробирована: в «Национальном корпусе русского языка» используется аннотация для одиннадцати падежей [21]. Расширена в НКРЯ и категориальность глагола. Совершенствование метаописания для нужд корпусной разметки оказалось напрямую обусловлено потребностями оппозиционной дифференциации грамматических значений на фоне речевой практики.

Не менее показательным в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации инструментарием оппозиционного моделирования является анализ тональности текста, или сентимент-анализ. Основная задача такого анализа – позиционирование исследуемого фрагмента речевой практики в оппозиционной по своей сути системе координат. Методологический арсенал сентимент-анализа уже достаточно разнообразен. При этом используются базы данных в виде «тональных словарей», где учтена оппозиционная языковая значимость лексем с четким указанием

степени их семантической «позитивности» или «негативности».

В так называемых тональных словарях каждой языковой единице присваивается базовый оппозиционный индекс, или «значение тональности». В ресурсе «VADER», например, – по шкале от «-4» до «+4» [22]. Так, «For example, the word “okay” has a positive valence of 0.9, “good” is 1.9, and “great” is 3.1, whereas “horrible” is -2.5, the frowning emoticon “:(“ is -2.2, and “sucks” and its slang derivative “sux” are both -1.5» (Например, слово *одобрение* имеет положительную значимость 0,9, *благо* – 1,9, а *великий* – 3,1, тогда как *ужасный* – -2,5, „хмурый“ смайлик – -2,2, а *неприятность* и его сленговое производное *отстой* – оба имеют негативную валентность -1,5)» [22]. Однако при этом, как оказывается, в дополнение к тональному рейтингу языковых и паразыковых единиц нельзя обойтись и без особых маркеров, в частности, таких как «слова-отрицания», «слова-усилители», «капитализация» и некоторых других. Слов-отрицаний немного – это «нет», «никогда» «незачем» и др. Однако они зачастую существенно меняют коммуникационные характеристики синтаксической конструкции, в составе которой они используются, – ее семантику, тональность, модальность и иные значимые параметры. Тем самым, посредством сентимент-анализа оказывается возможным автоматизированное моделирование оппозиционной семантики как отдельных языковых единиц – статичных в контексте языка, так и более сложной и динамичной семантики речи. Это уже используется для решения широкого круга задач лингвопрагматики, социолингвистики и многих других направлений лингвистического, филологического, гуманитарного и междисциплинарного характера. Конечно, сентимент-анализ оказался весьма востребованным в информационной индустрии.

Итак, оппозиционное моделирование – продуктивный и целесообразный тренд в исследовании современной коммуникации. Это важно, поскольку для объективной репрезентации языка важны все форматы моделирования языка. Особенно уместно оппозиционное моделирование для метаописания компьютерно-опосредованной коммуникации. Коммуникация в современных условиях чрезвычайно динамична и экстенсивна, а компьютеры не устают. Значит, необходимо их возможности задействовать как можно полнее.

Бинарность первичной кодовой организации компьютера обуславливает задействование ее иерархически-организованной оппозиционной архитектуры на всех уровнях обеспечения коммуникации. Компьютерное опосредование –

своеобразное «игольное ушко» современной коммуникации. И искусственно-языковым фундаментом бинарная сущность репрезентации речевой семантики не ограничена – фактически она распространена на все надстройки, микро- и макросреды современного языка. Но нельзя сказать, что такого рода оппозиционность полностью изменила инструментарий естественных языковых средств – он изменился, утратив паразыковые ресурсы, но и приобрел немало, в первую очередь, в семиотическом плане. Тем не менее, по-прежнему оппозиции в естественных языках пронизывают весь семантический континуум языковой практики. При этом оппозиционность – не исключительно лингвистическое достояние и релевантна ментальности и когниции в целом.

Выводы

Все вышесказанное позволяет говорить, что многие традиционные представления о системе языковых отношений сегодня могут быть дополнены, благодаря задействованию потенциала оппозиционной категориальности. В целом, оппозиционность актуальна в контексте рассмотрения широкого круга языковых отношений практически всех языков, являясь лингвистической универсалией. Релевантность рассмотрения сущности и функциональности языковой специфики через призму оппозиционности приобретает особый смысл в контексте компьютерного опосредования коммуникации, где все структурные связи языковых надстроек интерпретируются статистически. Вряд ли компьютерные средства коммуникации, использующие бинарную кодировку, когда-либо удастся полностью совместить с многоаспектной вариативностью живых естественных языков. Это соответствовало бы антропоцентричной прагматике коммуникации, но по мере совершенствования информационно-компьютерных технологий непреодолимая пропасть между изменчивостью языка и стремлением его формализовать становится все более очевидной. При этом информационно-ориентированная формализация достаточно успешна для языковой проекции – речи, особенно компьютерно-опосредованной речи. Здесь оппозиционность статистической модели коммуникации является весьма перспективным инструментом метаописания речевой продукции – при ее осознанном и системном задействовании в лингвистике и в зависимых от нее междисциплинарных сферах науки и производства. Информационная эффективность обработки языка в немалой степени зависит от успехов в реализации оппозиционного потенциала метаописаний компьютерно-опосредованной коммуникации.

Данная проблематика – пока своеобразная часть «темной материи» лингвистики: никто не оспаривает ее существование, но ее методологическое оформление еще впереди. Конечно, оппозиционность как категория более чем актуальна для искусственно-языковой лингвистики, но полностью соответствует и логике описания естественных языков, на которых общаются единственные дееспособные субъекты социальной коммуникации – люди.

Список источников

1. Einstein A. The Common Language of Science // *Advancement of Science*. Pasadena, CA. 2(5). Ph. 109–110.
2. Баркович А. А. Корпусная лингвистика: специфика современных метаописаний языка // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 406. С. 5–13.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
4. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // *Труды по языкознанию*. М.: Прогресс, 1977. С. 31–273.
5. Баркович А. А. Оппозиционная репрезентация деривационных отношений: метаязыковой потенциал // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2, Языкознание. 2017, 16(4). С. 255–264.
6. Баркович А. А. Функциональность диады «коммуникационный – коммуникативный»: дискурсивный аспект // *Вестник Томского государственного университета*. Филология. 5(37). 2015. С. 37–52.
7. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
8. Журавлёв А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // *Способы номинации в современном русском языке*. М.: Наука, 1982. С. 45–109.
9. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. I. Введение. Часть первая: Слово. М.: Языки русской культуры, 1997. 416 с.
10. Gumperz J. Types of Linguistic Communities // *Anthropological Linguistics* 4(1). 1962. Pp. 28–40.
11. Якобсон Р. Речевая коммуникация // *Избранные работы*. М.: Прогресс, 1985. С. 306–318.
12. Баркович А. А. Компьютерно-опосредованная коммуникация: потенциал металексической значимости // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2015. № 7(152). С. 38–43.
13. Андреева О. Один день из жизни русской речи // *Эксперт Online*. 2010. 30 сентября. URL: http://expert.ru/russian_reporter/ (дата обращения: 12.12.2024).
14. Barkovich A. Informational Linguistics: Computer, Internet, Artificial Intelligence and Language // 2019 IEEE 1st International Conference on Artificial Intelligence in Information and Communication (ICAII

2019) [conference paper], Okinawa, Japan, February 11–13. 2019. Pp. 008–013.

15. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
16. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 436 с.
17. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
18. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1966. 607 с.
19. Berners-Lee T. et al. A Framework for Web Science // *Foundations and Trends in Web Science*. 2006. 1(1). Pp. 1–130.
20. Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. 752 с.
21. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.12.2024).
22. VaderSentiment. URL: <https://vadersentiment.readthedocs.io/> (дата обращения: 12.12.2024).

References

1. Einstein, A. (1941). *The Common Language of Science*. *Advancement of Science*. No. 2(5), pp. 109–110. Pasadena, CA. (In English)
2. Barkovich, A. A. (2016). *Korpusnyya lingvistika: spetsifika sovremennykh metaopisanii yazyka* [Corpus Linguistics: The Specifics of Modern Meta-Descriptions of Language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, pp. 5–13. 406 p. (In Russian)
3. Benveniste, E. (1974). *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. 447 p. Moscow, Progress. (In Russian)
4. Saussure, F. de (1977). *Kurs obshchei lingvistiki* [Course of General Linguistics]. *Trudy po yazykoznaniiyu*. Pp. 31–273. Moscow, Progress. (In Russian)
5. Barkovich, A. A. (2017). *Opozitsionnaya reprezentatsiya derivatsionnykh otnoshenii: metayazykovoi potentsial* [Oppositional Representation of Derivational Relations: Metalinguistic Potential]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. No.16(4), pp. 255–264. (In Russian)
6. Barkovich, A. A. (2015). *Funktsional'nost' diady "kommunikatsionnyi – kommunikativnyi": diskursivnyi aspekt* [Functionality of the “Communicational–Communicative” Dyad: A Discursive Aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Filologiya. No. 5(37), pp. 37–52. (In Russian)
7. Апресян, Ю. Д. (1995). *Izbrannye trudy. T. 1. Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Selected Works. Vol. 1. Lexical Semantics: Synonymous Means of Language]. 472 p. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

8. Zhuravlev, A. F. (1982). *Tekhnicheskie vozmozhnosti russkogo yazyka v oblasti predmetnoi nominatsii* [Technical Capabilities of the Russian Language in the Field of Subject Nomination]. *Sposoby nominatsii v sovremennom russkom yazyke*. Pp. 45–109. Moscow, Nauka. (In Russian)
9. Melchuk, I. A. (1997). *Kurs obshchei morfologii. T. I. Vvedenie. Chast' pervaya: Slovo* [Course of General Morphology. Volume I. Introduction. Part One: Word]. 416 p. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian)
10. Gumperz, J. (1962). *Types of Linguistic Communities*. *Anthropological Linguistics*. No. 4(1), pp. 28–40. (In English)
11. Yakobson, R. (1985). *Rechevaya kommunikatsiya* [Speech Communication]. *Izbrannye raboty*. Pp. 306–318. Moscow, Progress. (In Russian)
12. Barkovich, A. A. (2015). *Komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya: potentsial metaleksicheskoi znachimosti* [Computer-mediated Communication: Potential of Metalexic Significance]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 7(152), pp. 38–43. (In Russian)
13. Andreeva, O. (2010). *Odin den' iz zhizni russkoi rechi* [One Day in the Life of Russian Speech]. *Expert Online*. 30 sentyabrya. URL: http://expert.ru/russian_reporter/ (accessed: 12.12.2024). (In Russian)
14. Barkovich, A. (2019). *Informational Linguistics: Computer, Internet, Artificial Intelligence and Language*. 2019 IEEE 1st International Conference on Artificial Intelligence in Information and Communication. Pp. 008–013. (ICAIIIC 2019) (Okinawa, Japan, February 11–13). (In English)
15. Zherebilo, T. V. (2010). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 486 p. Nazran, OOO. (In Russian)
16. Maruzo, Zh. (1960). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 436 p. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury. (In Russian)
17. Rosenthal D. E., Telenkova M. A. (1976). *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary and Reference Book of Linguistic Terms]. 543 p. Moscow, Education. (In Russian)
18. Akhmanova O. S. (1966). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 607 p. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)
19. Berners-Lee, T. et al. (2006). *A Framework for Web Science*. *Foundations and Trends in Web Science*. No. 1(1), pp. 1–130. (In English)
20. Zaliznyak, A. A. (2002). *“Russkoe imennoe slovoizmenenie” s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu* [“Russian Nominal Inflection” with an Appendix of Selected Works on the Modern Russian Language and General Linguistics]. 752 p. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)
21. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 12.12.2024). (In Russian)
22. VaderSentiment. [Online]. URL: <https://vadersentiment.readthedocs.io/> (accessed: 12.12.2024). (In English)

The article was submitted on 06.03.2025
Поступила в редакцию 06.03.2025

Баркович Александр Аркадьевич,
доктор филологических наук,
доцент,
Белорусский государственный университет,
220004, Беларусь, Минск,
пр. Независимости, 4.
BarkovichA@bsu.by

Barkovich Alexander Arkadieievich,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Belarusian State University,
4 Independence Ave.,
Minsk, 220004, Belarus.
BarkovichA@bsu.by